

Живой мальчик, или Испанист школы Бояджиева

4 сентября у Видаса Юргиевича Силюнаса – юбилей. Полагается перечислить заслуги и регалии юбиляра. Что же, это просто: театровед, театральный критик, доктор искусствоведения, автор множества рецензий, статей и книг, составитель научных сборников. Отдал дань работе на телевидении. Свыше тридцати пяти лет преподает историю зарубежного театра в Школе-студии МХАТа и около пятнадцати – в ГИТИСе. Профессор. Любим студентами. Интерес всей жизни – Испания. Именно этой стране, точнее ее театру, посвящены его увлекательные объемные исследования и вдохновенные курсы лекций. Имеется и еще одна подробность биографии – давний и любимый автор нашей газеты. “Экран и сцена” с удовольствием поздравляет Видаса Юргиевича с днем рождения.

Алексей БАРТОШЕВИЧ

Я очень хорошо помню Видаса Силюнаса в самые первые его гитисовские дни. Прочитавшись в Вильнюсском университете год или два, он приехал в Москву поступать на театроведческий. Ходил в малиновой студенческой шапочке (литовская или общеприбалтийская традиция); сразу бросались в глаза замечательные розовые щеки и странная, припрыгивающая походка, как будто у него в каблучках были пружины. Такая походка довольно долго у него потом сохранилась и, надо сказать, какая-то часть характера обнаруживалась в этой походке. С одной стороны, в ней крылись легкость и умение отрываться от земли, а с другой – невероятная энергия, которая заставляла его не просто ходить, передвигая подошвы и семеня по земле, а пружинить и почти танцевать!

Мы познакомились с Видасом в колхозе под Зарайском, куда студентов ГИТИСа отправляли в ту пору каждую осень на картошку. Мероприятие это было испытанием довольно тяжелым и порою противным, но вместе с тем создавало уникальную возможность тесного общения между студентами разных факультетов: актерского, режиссерского, балетмейстерского, театроведческого. В духовно-общительном смысле картошка явно играла положительную роль.

Тогда же мы и подружились. Было это, страшно сказать, в 1958 году, стало быть, 45 лет назад – тоже своего рода юбилей.

Несомненно, что печать одаренности и человеческой особенности, которая столь очевидна в Видасе сегодня, была заметна и тогда, в его почти еще детские годы.

Конечно, как настоящий прибалтиец, он склонялся к темам западным, но вместе с тем чрезвычайно важными для него были спектакли Художественного театра. Того МХАТа, от которого, впрочем, в конце 50-х годов оставались уже рожки да ножки, но все-таки рожки да ножки, бесспорно, существовали, в первую очередь в виде гениальных актеров в “Горячем сердце”. Я уверен, что театральные вкусы Видаса формировались именно на примере исполнителей “Горячего сердца” и прежде всего Алексея Николаевича Грибова в роли Хлынова. К тому же нашему поколению посчастливилось быть свидетелями, а в какой-то мере и участниками, но прежде всего – свидетелями великой

эпохи русского театра. И чем больше времени проходит с тех пор, тем яснее понимаешь, что и наши театральные пристрастия, и наша неистребленная и абсолютно ничем не поколебленная любовь к театру, и упорное желание видеть как можно больше спектаклей (что выглядит довольно-таки странно для нынешних студентов) коренятся там – в эфросовско-любововско-товстоноговских временах.

Статья о “Ромео и Джульетте” Анатолия Эфроса – из лучших ранних работ Видаса. Журнал “Театр” специально направил его тогда в Куйбышев, где гастролировал Театр на Малой Бронной; по возвращении он написал о спектакле совершенно выдающуюся рецензию. Одна фраза там просто поразительна по точности, глубине и афористической емкости, вообще свойственной Видасу: мысль о том, что эти Ромео и Джульетта, кажется, читали “Гамлета”.

Я помню, какой энтузиазм охватил редакцию журнала “Театр”, когда Видас принес туда главу своей диссертации (всего лишь главу диссертации!) о трагедиях Лопе де Вега. С одной стороны, этот текст был безукоризненно академичным, с другой – полон очень ясного и современного, сверхактуального политического смысла. Речь шла о выяснении отношений между личностью и государством. Статья аспиранта Силюнаса замечательно вписалась в тогдашнюю политику (в буквальном смысле слова политику) журнала “Театр”. При том, что это была не

публицистика, а наука в чистом виде, но одно с другим каким-то чудом соединилось! Помню фразу Натальи Анатольевны Крымовой о Видасе: “Живой мальчик”. В ее устах она прозвучала как высшая похвала.

Если говорить о том, что в театральном мире было в те годы стопроцентно нашим, так это Таганка. Тут нельзя не вспомнить статью Видаса о любововском “Гамлете”, который для всех нас так много значил (фактически целое поколение критиков вышло тогда на публику с рецензиями-исповедями о таганковском “Гамлете”). А еще – изумительная, пронзительная статья Силюнаса о спектакле “А зори здесь тихие...”

Наши академические штудии не просто соединились с интересом к живому театру, что вообще свойственно людям нашей профессии в России, но одно без другого попросту не мыслилось. Видас в этом смысле замечательный пример – образец великодушного соединения академического театроведения с занятием театральной критикой. В 60–70-е годы Эфросом, Товстоноговым, Любовым, театром “Современник” в нас было заложено то, что потом в разных формах неизменно проявлялось в наших работах. Те годы оставили в нас такой мощный ступок театральной энергии, которая в целом поколении и в Видасе – одном из самых блестящих представителей этого поколения – аккумулировалась в течение многих лет, а последние годы выплескивается в книгах Силю-

наса об испанском театре XVI–XVII столетий.

Я не сказал об учителях Силюнаса. Хотя прямым наставником Видаса был Николай Борисович Томашевский, очень образованный и умный испанист, итальянист и так далее, и Видас ему многим обязан, я думаю все-таки, что главную роль в его профессиональном становлении, как, впрочем, и в моем случае, сыграл Григорий Нерсесович Бояджиев. Мы – люди школы Бояджиева. Именно Бояджиев учил и, кажется, научил нас умению испытывать восторг в театре и не скрывать этой способности на бумаге! И кстати сказать, в аудитории! Ведь что ни говори, но и в этом отношении Видас вышел из бояджиевской школы. Это совсем не означает, что на его лекциях, кроме эмоций и эффектных театральных образов, ничего нет. Напротив, более чем есть. И смысл, и структура, и ясность понимания существа дела. Но все это облечено в форму, которая не боится быть увлекательно увлекательной и увлекающей.

Видас Силюнас – самый крупный испанист в российском театроведении XX века, один из самых крупных испанистов в мировом театроведении (что есть, то есть!), автор книг, которые составляют целую библиотеку театральной испанистики. Он открыл для читателя, и сделал это ярко и заманчиво, целую огромную область мирового театра. Его книги изучают не только студенты и коллеги. Их читают театральные люди, а это, в конце концов, самое главное.

Есть у Видаса и еще одно свойство. Он высокопорядочный и благородный человек. Уж об этом я могу судить, поскольку за прошедшие со времен наших советских трудовых подвигов в Зарайском районе Рязанской области годы не осталось никаких сомнений, что за человек рядом. Так вот, замечательный человек: изумительный друг, природный семьянин, большой ученый, великолепный педагог!

Странно, что Видасу 65 лет, но у меня, честно говоря, нет ощущения, что ему столько. Возможно, потому что я ровесник. Но, похоже, и наши студенты не воспринимают его как господина почтенных лет, так, как мы в свое время воспринимали Аникста или Бояджиева. Вряд ли кому-нибудь придет в голову назвать Силюнаса “ветераном науки”. Можно сказать, – не думаю, что это прозвучит обидно – что Видас так и остался живым мальчиком, став при этом настоящим ученым и педагогом.

Елена ХАЙЧЕНКО

С Видасом Юргиевичем Силюнасом я познакомилась много лет назад, будучи аспиранткой кафедры истории зарубежного театра ГИТИСа. Кафедрой тогда заведовал Григорий Нерсесович Бояджиев, и заседания ее нередко плавно перетекали в его дом, где царил гостеприимный хозяйка Антонина Константиновна. Люди, собиравшиеся в этом доме, – ученики Г.Н.Бояджиева – так и пошли по жизни вместе, сохранив дружбу и обеспечив изучение истории зарубежного театра по разным направлениям: Англия, Испания, Франция, Германия и так далее, – как планировал тогда их наставник и учитель. Своего рода бояджиевское братство, если хотите, причем Силюнас в нем, безусловно, был одним из самых ярких.

Существует такое устаревшее и несколько выпященное понятие “рыцарь науки”. Я не знаю человека, которому оно подходило бы больше, чем Силюнасу. Вот человек, в полной мере осуществивший свое призвание, превративший кропотливый и порою нелегкий труд исследователя в наслаждение и радость. За годы своей деятельности он совершил почти невозможное: заново написал для нас историю испанского театра от Лопе де Вега и Кальдерона до Федерико Гарсиа Лорки и Буэро Вальехо, и не просто написал, но открыл в ней доселе неизвестные страницы. А как замечательно писал и пишет Силюнас о живом театре! Слова о “двух веронцах, не принявших Верону” из его давней статьи о спектакле А.В. Эфроса “Ромео и Джульетта” у меня до сих пор на языке.

Я завидую Силюнасу. У него не бывает пауз и простоев, творческих кризисов и отпусков. Он всегда в работе, увлечен ею до страсти – в России ли, в Испании, где его труд получил высокое признание, или в родной своей Литве. А это значит, что походка его упруга, голос бодр, а в глазах такое же восхищение перед искусством, как и много лет тому назад, когда, впервые выехав за границу в составе туристической группы, мы оказались в Дрездене и, стоя рядом, восторжались великим творением Рафаэля. Помнишь, Видас?

Материал подготовила
Мария ХАЛИЗЕВА
• В.Силюнас
и А.Бартошевич со
студентами своего курса
в РАТИ

Экран и сцена –